

АДА ИГОРЕВНА РЕИНЕР

соискатель Отдела русской исторической лексикологии
и лексикографии
Институт лингвистических исследований Российской ака-
демии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
adairein@gmail.com

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ УСТОЙЧИВЫХ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ СОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVI–XVII ВЕКОВ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются синтаксические свойства устойчивых предложно-падежных сочетаний – воспроизводимых, обладающих семантической и грамматической устойчивостью конструкций, образованных по модели «предлог + падежная словоформа». Исследование проведено на материале делового и обиходного языка Московской Руси, представляющего начальный этап формирования национального русского языка. Источниками послужили исторические словари разных типов, а также старорусский подкорпус Национального корпуса русского языка. На основе исследовательской базы из 483 единиц (более 1500 контекстов их употребления) выявлено 14 % синтаксически полифункциональных устойчивых предложно-падежных сочетаний. Определены группы таких единиц в зависимости от способности реализовать разные синтаксические функции, выделены синкретичные устойчивые предложно-падежные сочетания и формирующиеся функциональные омонимы в русском языке XVI–XVII веков. Результаты исследования могут быть использованы для уточнения лингвистического статуса устойчивых предложно-падежных сочетаний в современной русистике и описания этих единиц в лексикографической практике.

К л ю ч е в ы е с л о в а : устойчивое предложно-падежное сочетание, синтаксическая полифункциональность, синкретизм, функциональная омонимия, историческая фразеология, историческая фразеография, старорусский язык

Д л я ц и т и р о в а н и я : Реинер А. И. Синтаксическая полифункциональность устойчивых предложно-падежных сочетаний в русском языке XVI–XVII веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 28–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1197

ВВЕДЕНИЕ

Деловые и обиходные памятники XVI–XVII веков отражают начальный этап формирования национального русского языка. В этот период происходили активные языковые процессы, в том числе образование устойчивых словесных комплексов (далее – УСК)¹ разных типов. Одни из них сохранились в неизменном виде в современном русском языке или стали «прототипами для образования фразеологизмов» [5: 112] и лексических единиц (наречий, предлогов и др.), известных в настоящее время; другие остались характерны для старорусского языка. В центре внимания настоящего исследования находится один из структурных типов фразеологического фонда Московской Руси (при широком понимании объема фразеологии) – устойчивые предложно-падежные сочетания (далее – УППС). Такие УСК образованы по модели «предлог + падежная

словоформа», обладают воспроизводимостью, устойчивостью, единством значения (при возможной или отсутствующей идиоматичности) (например, *(не) по делу, без ума* и др.).

В настоящем исследовании УППС вместе с контекстами их употребления отобраны методом сплошной выборки из исторических словарей разных типов (общих, региональных, терминологических), представляющих деловой и обиходный язык Московской Руси. В соответствии с обозначенными хронологическими и жанровыми рамками материал был дополнен примерами из старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Всего отобрано и проанализировано 483 УППС и более 1500 контекстов их употребления, из них выявлено 68 полифункциональных УППС (14 % от общего числа), которые являются объектом исследования в настоящей работе.

СПЕЦИФИКА УСТОЙЧИВЫХ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ СОЧЕТАНИЙ

В истории языка УППС образуются постепенно из свободных предложно-падежных конструкций за счет их регулярной воспроизводимости, формирования целостного значения, грамматической и семантической устойчивости оборота. Как отмечает Б. А. Ларин, «накопление идиоматичности» происходит постепенно, а «для “созревания” грамматической неразложимости нужны века» [6: 147, 137]. Сложная природа образования УППС и подверженность разным динамическим процессам (лексикализации², грамматикализации³, прагматикализации⁴) поставили перед исследователями проблему определения лингвистического статуса таких единиц. С одной стороны, воспроизводимость, раздельнооформленность, постоянство компонентного состава, целостность значения, а также возможная образность и экспрессивность сближают УППС с фразеологическими единицами (далее – ФЕ) в соответствии с широким пониманием объема фразеологии⁵, в который включаются не только идиомы в узком смысле. Такого «фразеологического» подхода придерживаются А. И. Смирницкий, П. А. Лекант, Л. И. Ройзензон и др. С другой стороны, УППС обладают и признаками лексической единицы: одноударностью [14: 31], способностью соотноситься с определенной частью речи за счет реализации соответствующей синтаксической функции. Например, Р. П. Рогожникова в Толковом словаре сочетаний, эквивалентных слову⁶, соотносит эквиваленты слов (в том числе УППС) с разными частями речи (наречием, предлогом и др.); если частеречную принадлежность определить сложно, то указывает синтаксическую функцию (*к лицу* ‘подходит, идет кому-л.’ отнесено к словам, выполняющим функцию сказуемого; *по существу* ‘на самом деле; в действительности’ – к эквивалентам вводных слов и др.). В связи с этим многие лингвисты являются сторонниками «лексического» подхода и рассматривают УППС как *эквиваленты слов* (наречия, составные предлоги и др.) [10], *слова-гибриды* [11], *неоднословные цельности* [16] и др. Существует и третья, «смешанная» позиция, в соответствии с которой УППС интерпретируются как «самостоятельный класс языковых единиц»: одни из них соотносятся с лексемами, другие – с фразеологизмами⁷.

Однако эти подходы по пониманию лингвистического статуса УППС определились на основе анализа единиц современного состояния русского языка. Как отмечает А. Г. Ломов,

в диахронии УСК вообще «не могут быть рассматриваемы с позиции современного состояния языка», «к ним должно быть иное, специфическое отношение» [8: 301]. В связи с этим исследователи исторической фразеологии придерживаются широкого понимания объема фразеологии и рассматривают не только ФЕ, занимающие ядерное положение во фразеологическом фонде донационального состояния языка (идиомы), но и УСК окооядерной и периферийной зон [15: 52]. Впоследствии УППС способны пополнять классы наречий, предлогов, модальных слов, междометий современного русского языка, а также за счет развития переносной и экспрессивно-оценочной семантики могут становиться идиомами или входить в компонентный состав глагольно-именных ФЕ, развивая преимущественную сочетаемость с определенным глаголом.

Таким образом, в настоящем исследовании устойчивое предложно-падежное сочетание понимается как особый структурный тип, входящий во фразеологический фонд делового и обиходного языка Московской Руси.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ОСОБОЕ СВОЙСТВО УСТОЙЧИВЫХ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ СОЧЕТАНИЙ

Грамматическая устойчивость предложно-падежного сочетания заключается в закреплении конкретного значения «в определенной синтаксической функции, например, сказуемого, обстоятельства» и др. [7: 263]. Соответственно, способность языковой единицы выражать оттенки значения в разных синтаксических позициях, то есть наличие синтаксической полифункциональности, может указывать на этапы формирования грамматической устойчивости и развитие лексико-грамматических признаков одной или нескольких частей речи. В таком смысле синтаксическая полифункциональность языковых единиц рассматривается в работах В. В. Виноградова, В. В. Бабайцевой, Г. Н. Сергеевой, и это понимание полифункциональности положено в основу настоящего исследования.

Синтаксическая полифункциональность языковых единиц может указывать: 1) на этапы закреплению конкретного значения в определенной синтаксической позиции, что может выражаться в возможности совмещать признаки двух или нескольких функций (лексико-грамматических разрядов) в одной позиции, то есть в синкретичности единицы; 2) на функциональную омонимию, если единица реализует разную семантику (или оттенки значения) в зависимости от синтаксиче-

ской позиции и имеет признаки двух или более частей речи [1: 36], [2: 152–153].

Актуальность исследования синтаксической полифункциональности УППС продиктована необходимостью в изучении явления переходности в диахронии для уточнения лингвистического статуса УППС и в современном русском языке, а также потребностью исторической лексикографии в определении специфики функционирования таких единиц в русском языке XVI–XVII веков с целью их описания, разграничения функциональных омонимов и синкретичных образований. Ниже рассмотрены основные типы синтаксической полифункциональности УППС.

УППС КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО И ПРЕДИКАТ С ДАТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ СУБЪЕКТА (17,6 %)⁸

В деловом и обиходном языке Московской Руси обнаруживаются УППС, которые в обстоятельственной позиции характеризуют действие, а в предикативной функции обозначают состояние / отношение / (не)возможность / (не)желание субъекта, выраженного в предложении дополнением в дательном падеже⁹. Например, УППС *по обычаю* способно употребляться в роли обстоятельства в значении ‘так, как принято’ (1) и в функции предиката в значении ‘нравится что-л.’ (2):

1) *И как вошли в полату х королевскому величеству, и посланники, увидя королевское величество, шапки сняли и, пришед х королю блиско рундука, по обычаю поклонились.* НКРЯ: Статейный список П. И. Потемкина (Франция), 1668 г.¹⁰

2) *Тебѣ мои сукна по обычаю-ль.* Разговорник Т. Ф., 458, 1607 г. [ПОС¹¹, В. 22: 483]¹².

В таких же функциях употребляются УППС *в (чью-л.) волю* ‘столько, сколько хотелось; вдоволь’ (3) и *(не) в волю* ‘о состоянии (не)желания что-л. сделать’ (4); *(не) по делом* ‘как (не) принято, (не) по правилам’ (5) и ‘(не) по заслугам кому-л.’ (6) и др.:

3) *Всяк там пей и ежь в свою волю, и спи довольно, и прохлаждайся любовно.* Сказ. о роск. житии, 41, XVII в. [СОРЯ¹³, В. 2: 331];

4) *Мнѣ в волю товар иному продать.* Разг. Фенне, 280, 1607 г. [СОРЯ, В. 2: 331];

5) *Делай по делом [по делот], ино пожалован будешь.* Аноним. разг., 86 об., сер. XVI в. [СОРЯ, В. 5: 131];

6) *Слава всякому человеку по делом его.* Служба кабаку, 49, XVII в. [СОРЯ, В. 5: 131].

УППС в предикативной функции реализуют отличную от обстоятельственной семантику и демонстрируют иные валентные свойства. Та-

ким образом, обстоятельственные УППС (соотносимые с наречиями) и предикативные УППС (близкие словам категории состояния или безличным предикатам) могут интерпретироваться как функциональные омонимы.

УППС КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО И СВЯЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ (14,8 %)

В этой группе представлены УППС, способные в зависимости от контекста быть как обстоятельством, так и служебным словом (чаще всего предлогом). Как известно, составные предлоги в большинстве своем происходят из предложно-падежных форм за счет грамматикализации, подобный переход УППС в предлоги рассматривается в работах Н. А. Каламовой, Е. Т. Черкасовой, Г. А. Шигановой. Как отмечает Е. Т. Черкасова:

«Сущность перехода отдельных форм полнозначных слов в разряд предлогов состоит в том, что они утрачивают грамматические признаки соответствующей части речи... и приобретают грамматические признаки, присущие словам, принадлежащим к разряду предлогов» [13: 15].

Это явление наблюдается в русском языке XVI–XVII веков: например, УППС *в близости* реализует значение ‘рядом’ при употреблении в функциях обстоятельства места (7) и предлога с род. пад. (8); УППС *во время* в функции обстоятельства реализует значение ‘в надлежащее время, своевременно’ (9), в связующей функции – значение ‘на протяжении определенного периода’ (10):

7) *Нѣпріятелихъ людей в близости нет и нѣ слыхат.* Гр. No 155, XVII – н. XVIII вв. [СОРЯ, В. 1: 188];

8) *Отведено имѣ стрѣльцомъ въ близости города пашенные земли.* А. Кунг., 272, 1698 г. [СОРЯ, В. 1: 188];

9) *На указныхъ своихъ земляхъ хлѣбъ посягать во время.* Баг. Мат., 16, 1639 г. [СлРЯ¹⁴, В. 3: 109];

10) *Во время увеселительныхъ вечеров.* Пов. о Фроле Скоб., 156, XVII в. [СОРЯ, В. 3: 100].

Таким образом, УППС в обстоятельственной и связующей функции могут соотноситься с разными частями речи (наречием и предлогом), что указывает на функциональную омонимию.

УППС КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО И ПРИСУБСТАНТИВНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ (И/ИЛИ ПРЕДИКАТИВ) (50 %)

УППС этой группы способны употребляться в двух функциях: быть обстоятельством и обозначать признак действия и употребляться как несогласованное определение при обозначении признака предмета. Например, УППС *вне*

ума (своего) и синонимичное *без ума* функционируют как обстоятельство со значением 'поступая безрассудно, в бессознательном состоянии по какой-л. причине' (11), (13) и как несогласованное определение со значением 'не обладающий способностью разумно мыслить, слабоумный; безрассудный' (12), (14):

11) *То де я [В. Горюшкин] государево слово сказали за собою на них с сердца, **вънь ума** своего, мстя имь недружбу.* Сид, 579, 1649 г. [СОРЯ, В. 2: 242];

12) *Детей у него, два сына: Петрушка 15 лет, **вне ума**, Оска 6 лет.* Томск., 1700 г. [Сл. Том.¹⁵: 291];

13) *А хто **без ума** на кабаке пропився, деретца, яко в век на дурака тюрьма уготована.* Служба кабаку, 57, XVII в. [СОРЯ, В. 2: 64];

14) *Говориш, што дурак **без ума**.* Аноним. разг., 32 об., 1568 г. [СОРЯ, В. 1: 102].

В современной русистике сочетания, употребляющиеся в определительной функции, рассматриваются либо как отдельный тип (словоформы с атрибутивным значением) [12: 62], либо в группе наречных сочетаний, обозначающих признак предмета (эту функцию большинство лингвистов считают вторичной, развившейся на основе обстоятельственной, поскольку употребление таких единиц как несогласованных определений часто генетически восходит к глагольным сочетаниям¹⁶).

В деловом и обиходном языке Московской Руси такие УППС обычно полифункциональны и даже синкретичны: одно и то же сочетание может употребляться в обстоятельственной, атрибутивной, предикативной позиции.

15) *[Крестьяне] живутъ **въ бѣгахъ**.* Шумаков. Акты юрид., 3, 1662 г. [СОРЯ, В. 1: 94];

16) *За бѣглую кабаную жонку, за Анютку Никитину дочь, что вышла **в бѣгахъ** замужъ въ деревню Крутые.* Вкл. Нижегород., 40, 1662 г. [СОРЯ, В. 1: 94];

17) *4 человека **в бѣгахъ**.* Росп. прид., 124, XVII в. [СОРЯ, В. 1: 94];

18) *Дворъ отъ улицы загороженъ **в заметъ**.* АМГ III, 27, 1660 г. [СлРЯ, В. 5: 239];

19) *Промеж избы и чулана стѣни **в замѣт**.* ВПИ-3, № 781, 1, 1695 г. [Сл. Ворон.¹⁷, В. 2: 49].

Например, УППС *в бѣгахъ* может функционировать как обстоятельство места со значением 'там, где кто-л. скрывается' (15), (16) и как предикат с семантикой 'скрывающийся' (17). УППС *в замет* аналогично способно характеризовать действие 'путем закладывания жердей, досок между кольями (о способе строительства)' (18) и одновременно реализовать обстоятельственную и атрибутивную функции 'построенный таким способом' (19). В примерах (17) и (19) УППС находятся, скорее, в полупредикативной

позиции («свернутой» предикативности) при опущенном глаголе: *4 человека* (которые находятся) *в бѣгахъ* (обстоятельство места и характеристика субъекта); *сени* (которые построены) *в замет* (обстоятельство способа действия и признак предмета). Раскрытие «свернутой» предикативности показывает возможность интерпретирования УППС в том числе и как обстоятельства, что указывает на синкретичный характер таких единиц.

Некоторые УППС в деловом и обиходном языке Московской Руси преимущественно употребляются в атрибутивной и/или предикативной функции, но обстоятельственное значение (чаще всего места) может сохраняться за счет локативной семантики предлога: *за (чей-л.) рукой (-ами)* 'подписанный кем-л. (о документе)' (20); *у груди* 'грудной (о ребенке)' (21):

20) *Дали две челобитные **за руками**.* ПНРЯ, 81, XVII в. [СОРЯ, В. 2: 272]; *Взять отпись **за руками**.* Хоз. Мор. II, 133, 1650 г. [СОРЯ, В. 2: 177];

21) *Сына своег Серешку принесла [Татьяна] с собою мала. **у груди**. неделъ в дватцать.* МДБП, 233, 1652 г. [СОРЯ, В. 4: 287]; *А дочка твоя мала еще **у груди** и тоъ могут своячины твои възпитат.* В-К III, 19, 1645 г. [СОРЯ, В. 4: 287].

Таким образом, УППС этой группы демонстрируют разные способы выражения значения (в обстоятельственной и атрибутивной функции, в полупредикативной или преимущественно атрибутивной (и/или предикативной позиции)). Степень одновременного выражения обстоятельственной и определительной функции тоже различна, но объединяет эти УППС в одну группу их возможность совмещать эти значения или реализовывать одно из них в зависимости от контекста. Синкретичный характер УППС демонстрирует семантико-синтаксический потенциал этих единиц (возможность характеризовать действие и предмет в зависимости от контекста, реализуя разные оттенки значения), а также процесс формирования вторичной функции наречия (признака предмета) и особой группы УППС (атрибутивных сочетаний).

УППС КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО И ВВОДНОЕ СЛОВО (И/ИЛИ ЭКВИВАЛЕНТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ) (17,6 %)

В эту группу входят УППС, способные выступать в обстоятельственной и вводно-модальной функциях. Например, сочетания *в подлинник* 'доподлинно; без сомнения', *без сумнения (сомнения)* 'несомненно', *по грехом* 'по ошибке без умысла; к несчастью, на беду' функционируют как обсто-

яательства (22), (24), (26) и в функции вводного слова (23), (25), (27):

22) *Того де онъ Кипрюшка въ подлинникъ не знаетъ.* ДАИ X, 330, 1684 г. [СлРЯ, В. 15: 278];

23) *Она толкнула Марыца и она де в подлинникъ же-ребенка затонула в воду.* КА, 84, 1686 г. [Сл. Перм.¹⁸, В. 2: 49];

24) *Безъ сумнения о такомъ зговоре были бы грамоты учинены на память человекомъ.* Польск.д. I, 526. 1517 г. [СлРЯ, В. 29: 26];

25) *И гетманъ и все войско противъ ляховъ ставились безъ сомнѣния крѣпко.* АЮЗР V, 76, 1661 г. [СОРЯ, В. 9: 121];

26) *Яз того ненарокомъ достѣл, по грѣхомъ [prochrechom] я того достѣл, затемъ на меня не повѣщуй.* Разг. Фенне, 229, 1607 г. [СОРЯ, В. 4: 268];

27) *А своей ми, господине, розъѣждие грамоты передъ тобою положить не мочно: по грехомъ, господине, у меня та грамота згорѣла.* Арх. Стр. I, 154, 1518 г. [СлРЯ, В. 4: 131].

Во многих случаях сложно однозначно определить, к чему относится УППС (к глаголу или всему высказыванию), что может указывать на их синкретичный характер в деловом и обиходном языке Московской Руси.

В эту группу входят и УППС-речевые формулы. С одной стороны, УППС *во здравие* (кому-л.) и *на (чье-л.) здоровье* употребляются в качестве обстоятельств 'для хорошего физического самочувствия' (28), (29):

28) *Да челом бью тебѣ гсдрю моему новиною часть винограду астраханског да кадочку медку своего украинского, чтобъ вамъ гсдремъ моимъ кушатъ во здравие.* ПНРЯ, 90, XVII в. [СОРЯ, В. 1: 65];

29) *Послала я [Д. Ларионова] к тебѣ [И. С. Ларионову] друг мои связочку извол носитъ на здравье и связываетъ головушку.* ИНРЯ, 66, 1696 г. [СОРЯ, В. 5: 139].

С другой стороны, такие УППС могут функционировать как эквиваленты междометия со значением 'пожелание здоровья при угощении' в позиции вводной (уточняющей) конструкции (30) или слова-предложения как реплика диалога (31):

30) *Буди здоровъ, на твоё здравие* [in salutem tuam, auf euere gesundheit]. Лудольф, 51, 1696 г. [СлРЯ, В. 5: 365]

31) *Во здравье тебѣ!* Копенг. разг., 33, сер. XVII в. [СОРЯ, В. 3: 244].

Такие УППС фиксируются преимущественно в разговорниках иностранных купцов. В разговорной речи вместо полной конструкции (УППС в сочетании с глаголом) употребляется только УППС, выходящее на коммуникативно-прагматический уровень [9: 19], при этом первичной функцией является обстоятельственная.

Такие УППС со временем способны претерпевать большие изменения за счет десемантизации и прагматикализации [4].

Таким образом, эта группа позволяет увидеть процесс формирования будущих вводно-модальных слов и междометий, или дискурсивных слов, обеспечивающих семантическую связность текста [3: 7–8]. Такие УППС могут не вступать в синтаксические отношения с другими компонентами предложения, однако важны для выражения смысла, поскольку используются, чтобы обозначить позицию говорящего в роли вводно-модальных слов или регулировать процесс общения в качестве реплик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение синтаксической полифункциональности УППС в русском языке XVI–XVII веков позволило сделать следующие выводы.

1) Синтаксическая полифункциональность УППС может быть синкретичной, она заключается в способности единицы совмещать несколько функций в одной позиции. УППС, употребляясь в атрибутивной, предикативной или вводной позиции, могут сохранять обстоятельственное значение, но в разной степени. Совмещение признаков обстоятельственной и атрибутивной функции (и/или предикативной) без изменения валентных свойств и семантики демонстрирует развитие вторичной функции наречия (признака предмета) и группы атрибутивных сочетаний. Развитие вводно-модальной функции (и дискурсивной при выходе на коммуникативно-прагматический уровень) происходит на основе обстоятельственной с сохранением значения или с некоторым изменением семантики, что демонстрирует постепенное формирование модальных слов и междометий на базе УППС.

2) Функциональными омонимами в деловом и обиходном языке Московской Руси можно считать УППС, функционирующие как обстоятельства (эквиваленты наречия) и предикаты с дательным падежом субъекта (эквиваленты слов категории состояния), как обстоятельства и связующие элементы (чаще эквивалент предлога). Важное значение для разграничения функциональных омонимов в группе УППС русского языка XVI–XVII веков, наряду с некоторой семантической трансформацией, имеет развитие новых синтаксических отношений с компонентами предложения, что и демонстрируют эти группы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Термин «устойчивый словесный (сверхсловный) комплекс» был предложен в 1969 году А. Г. Ломовым для обозначения устойчивых сочетаний разных типов при их исследовании в диахроническом аспекте. Ломов А. Г. Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1969. 33 с.
- ² Под лексикализацией понимается «превращение в отдельное знаменательное слово или в другую эквивалентную ему словарную единицу (например, во фразеологизм)». Лопатин В. В. Лексикализация // Большая Российская энциклопедия. Т. 17. М.: Большая Российская энциклопедия, 2010. С. 203.
- ³ Под грамматикализацией понимается «процесс превращения неграмматической единицы языка в грамматическую или развития у языковой единицы большего числа грамматических свойств». Майсак Т. А. Грамматикализация // Большая Российская энциклопедия. Т. 7. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 615.
- ⁴ Под прагматикализацией понимается процесс перехода лексической единицы на коммуникативно-прагматический уровень языка для выражения реакций говорящего и его отношения к информации (см. [4]).
- ⁵ Лекант П. А., Диброва Е. И., Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В. Современный русский язык: Учебник для вузов / Под ред. П. А. Леканта. М.: Юрайт, 2024. С. 64.
- ⁶ Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: ок. 1500 устойчивых сочетаний русского языка. М.: ООО «Издательство Астрель», «Издательство АСТ», 2003. 416 с.
- ⁷ Пасечник А. А. Лексикализованные предложно-падежные сочетания и их репрезентация в лексикографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. С. 6.
- ⁸ Здесь и далее процентные данные приводятся от общего числа полифункциональных УППС в деловом и обиходном языке Московской Руси.
- ⁹ Панова Г. И. Морфология современного русского литературного языка: Уч. пособие для вузов. М., 2022. С. 239.
- ¹⁰ Здесь и далее при цитировании примеров из НКРЯ приводится название источника в соответствии с данными корпуса и указывается датировка.
- ¹¹ Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–29. Л.; СПб., 1967–2024, издание продолжается (далее – ПОС).
- ¹² При цитировании примеров из словарей-источников в квадратных скобках приводится сокращение словаря, выпуск (если имеется) и номер страницы, где расположена цитата. Возле цитаты указывается сокращение памятника, принятое в словаре-источнике, страница, где находится цитата, и датировка (год, век или период).
- ¹³ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. (далее – СОРЯ). Вып. 1–9. СПб., 2004–2020 (издание продолжается).
- ¹⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. (далее – СлРЯ). Вып. 1–32. М., 1975–2023 (издание продолжается).
- ¹⁵ Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII вв. (далее – Сл. Том.) / Под ред. В. В. Палагинной, Л. А. Захаровой. Томск, 2002.
- ¹⁶ Панова Г. И. Морфология современного русского литературного языка: Учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2022. С. 221–222.
- ¹⁷ Хитрова В. И. Словарь воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв. (далее – Сл. Ворон.). Т. 1–4. М., 2022–2023.
- ¹⁸ Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII в. (далее – Сл. Перм.) / Сост. Е. Н. Полякова. Т. 1–2. Пермь, 2010.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабайцева В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Филологические науки. 1983. № 5. С. 35–42.
2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматическом строе русского языка // Избранное. 1955–2005: Сборник научных и научно-методических статей. М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. С. 150–158.
3. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
4. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.
5. Генералова Е. В., Зиновьева Е. И. Истоки русской фразеологии: устойчивые сочетания языка делового и повседневного общения Московской Руси XVI–XVII вв. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. 462 с.
6. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М.: Просвещение, 1977. С. 125–149.

7. Лекант П. А. К вопросу о минимальной единице фразеологии // Лекант П. А. Очерки по грамматике русского языка. М.: Изд-во МГОУ, 2002. С. 258–265.
8. Ломов А. Г. К вопросу об устойчивых словесных комплексах в древнейших русских летописях // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвузовского симпозиума. Тула, 1968. С. 300–303.
9. Рейнер А. И. Устойчивые предложно-падежные сочетания, соотносимые с междометиями и модальными словами, в деловом и обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв. // Филологический аспект. 2024. № 09 (113). С. 14–20.
10. Рогожникова Р. П. Об основных единицах описания в толковых словарях русского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2008. Т. 4, № 3. С. 33–40.
11. Сергеева Г. Н. Образования предложного типа и слова-гибриды // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 3 (11). С. 11–15. DOI: 10.18572/2687-0339-2022-3-11-15
12. Сергеева Г. Н. Предложно-падежные словоформы с атрибутивным значением (об одной структурно-семантической разновидности «эквивалентов слова») // Сергеева Г. Н. Лексикализованные словоформы: динамика языкового развития: избранные работы: к 60-летию кафедры русского языка. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. С. 62–69.
13. Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967. 280 с.
14. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. СПб.: Спец. лит., 1996. 192 с.
15. Шулержкова С. Г. Проблемы создания Большого фразеологического словаря старославянского языка в условиях цифровой культуры // Лексикография цифровой эпохи: Сб. материалов Междунар. симп. Томск, 2021. С. 51–54. DOI: 10.17223/978-5-907442-19-1-2021-15
16. Ягунова Е. В. Неоднословные целостности в словаре и в корпусе // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика – 2006». СПб., 2006. С. 395–412.

Поступила в редакцию 28.11.2024; принята к публикации 28.04.2025

Original article

Ada I. Reiner, Cand. Sc. Applicant, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
adairein@gmail.com

SYNTACTIC POLYFUNCTIONALITY OF STABLE PREPOSITIONAL COMBINATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE XVI–XVII CENTURIES

Abstract. The article deals with the syntactic properties of stable prepositional combinations – semantically and grammatically stable reproducible constructions formed according to the model “preposition + case word form”. The study was conducted with the material of official and everyday language of Moscow Russia, representing the initial stage of formation of the national Russian language. The sources included historical dictionaries of various types, as well as the Old Russian Subcorpus of the Russian National Corpus. Based on the research base of 483 units (with more than 1500 usage contexts), 14% of syntactically polyfunctional stable prepositional combinations were identified and classified into groups depending on their ability to perform different syntactic functions. Additionally, syncretic stable prepositional combinations and emerging functional homonyms in the Russian language of the XVI–XVII centuries were singled out. The results of the study can be used to clarify the linguistic status of stable prepositional combinations in modern Russian studies and to describe these units in lexicographic practice.

Key words: stable prepositional combinations, syntactic polyfunctionality, syncretism, functional homonymy, historical phraseology, historical phraseography, Old Russian language

For citation: Reiner, A. I. Syntactic polyfunctionality of stable prepositional combinations in the Russian language of the XVI–XVII centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):28–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1197

REFERENCES

1. Babaytseva, V. V. The zone of syncretism in the system of parts of speech of the modern Russian language. *Philological Sciences*. 1983;5:35–42. (In Russ.)
2. Babaytseva, V. V. Transitivity in the grammatical structure of the Russian language. *Selected works. 1955–2005: Collection of research and methodology articles*. Moscow; Stavropol, 2005. P. 150–158. (In Russ.)
3. Baranov, A. N., Plungian, V. A., Rakhilina, E. V. Guide to discursive words of the Russian language. Moscow, 1993. 207 p. (In Russ.)
4. Bogdanova-Beglaryan, N. V. Pragmatic items in everyday speech: definition of the concept and general typology. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2014;3(27):7–20. (In Russ.)

5. Generalova, E. V., Zinovyeva, E. I. The origins of Russian phraseology: stable combinations of the language of business and everyday communication of Moscow Russia in the XVI–XVII centuries. St. Petersburg, 2024. 462 p. (In Russ.)
6. Larin, B. A. Essays on phraseology (about the systematization and methods of research of phraseological materials). *Larin, B. A. History of the Russian language and general linguistics (selected works)*. Moscow, 1977. P. 125–149. (In Russ.)
7. Lekant, P. A. Revisiting the issue of the minimal phraseological unit. *Lekant, P. A. Essays on the grammar of the Russian language*. Moscow, 2002. P. 258–265. (In Russ.)
8. Lomov, A. G. Revisiting the issue of stable word complexes in the most ancient Russian chronicles. *Problems of stability and variability of phraseological units: Proceedings of the interuniversity symposium*. Tula, 1968. P. 300–303. (In Russ.)
9. Reiner, A. I. Stable prepositional combinations, correlated with interjections and modal words, in the business and common language of Moscow Russia of the 16th–17th centuries. *Filologicheskii aspekt*. 2024;09(113):14–20. (In Russ.)
10. Rogozhnikova, R. P. The basic units of description in explanatory dictionaries of the Russian language. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2008;3:33–40. (In Russ.)
11. Sergeeva, G. N. The formations of prepositional type and blendwords. *Professors Journal. Series: Russian Language and Literature*. 2022;3(11):11–15. DOI: 10.18572/2687-0339-2022-3-11-15 (In Russ.)
12. Sergeeva, G. N. Prepositional case word forms with attributive meaning (one structural-semantic variety of “word equivalents”). *Sergeeva, G. N. Lexicalized word forms: dynamics of linguistic development: selected works: celebrating the 60th anniversary of the Russian Language Chair*. Vladivostok, 2017. P. 62–69. (In Russ.)
13. Cherkasova, E. T. Transformation of full notional words into prepositions. Moscow, 1967. 280 p. (In Russ.)
14. Shansky, N. M. Phraseology of the modern Russian Language. St. Petersburg, 1996. 192 p. (In Russ.)
15. Shulezhkova, S. G. The challenges of creating *The Big Phraseological Dictionary of the Old Church Slavonic Language* in the age of digital culture. *Lexicography of the digital age: Proceedings of the international symposium*. Tomsk, 2021. P. 51–54. DOI: 10.17223/978-5-907442-19-1-2021-15 (In Russ.)
16. Yagunova, E. V. Multiword expressions in the dictionary and in the corpus. *Proceedings of the international conference “Corpus Linguistics – 2006”*. St. Petersburg, 2006. P. 395–412. (In Russ.)

Received: 28 November 2024; accepted: 28 April 2025